

Причем в этой череде каждая личность обладает неповторимым колоритом, соединяющим в себе особенности языка, манеры общения, мировоззрение, быт. В этом смысле «Кама и Урал» представляет собой не записки и, уж конечно, не летопись, а киноматериал (не побоимся такого выражения): настолько художественно точно выводит автор своих персонажей; книга отличается, если так можно выразиться, «визуальностью». Пожалуй, не найти путешественника, в работах которого встречалось бы такое количество диалогов и высказываний людей разных сословий и званий. Очевидно, негласная задача Немировича, в отличие от своих предшественников, – не сбор научных фактов, а иллюстрация целостного представления о Среднем Урале.

Произведение Немировича-Данченко «Кама и Урал» – это кладезь источников для историка и краеведа, впрочем, как и многие другие его сочинения. В нем отражены все грани уральского бытия, не только прошлое и настоящее (1870-е гг.), но и даже представления простого народа о будущем. Описание быта, промыслов и производства, духовной культуры и мировоззрения, а также географические заметки и живые страницы истории, отражение конфессионального сознания и отношения к разного рода властителям, – все это создает впечатление неповторимости края. Богатая фактами информация содержится в книге об исторических личностях, сыгравших выдающуюся роль в прошлом как Урала, так и России.

Пожалуй, наиболее часто упоминаемое имя на страницах этого описания – Ермак Тимофеевич. Легенды о Ермаке, как отмечает автор, сохранились по Каме и Чусовой, о чем помимо всего прочего «сообщает» даже топонимика. В добавление к сказанному находим в тексте почти так же часто приводимый термин, звучащий из уст простого народа, являющийся производным от имени «Ермак», – «ермачок». Так на Урале называли людей лихих, разбойников, но не современных, а живших в старину. Заметим, однако же, что в наши дни в регионе это понятие, очевидно, вышло из употребления. Связь Ермак – ермачки приводит к мысли об отношении народа к покорению русскими Сибири. Известно, что до своего знаменитого похода герой с казаками напал и грабил купеческие и царские суда на Волге. Народное сознание возводит Ермака, безусловно, на пьедестал почета, но характеристика его напоминает дохристианские мифы (из античной мифологии, например, можно привести истории о Геракле): имя это оваяно многочисленными легендами. Какая-либо морально-этическая оценка героя едва ли вообще существует, – напротив, тот факт, что Ермак – разбойник, ничуть никого не смущает. К тому же вовсе не заостряется внимание на результатах и значении этого его похода. Предания о Ермаке зачастую объясняют лишь происхождение гор, утесов, камней и других предметов, так же как и сказания о

богатырях и героях в архаичном мифе. С пребыванием Ермака в крае народная молва связывает чуть ли не все исторические эпизоды, что свидетельствует, вероятно, о желании видеть в атамане не просто историческую личность, а народного героя. Поэтому для уральцев было не столь важно, что произошло, но неизмеримо большую роль играло то, что это (пусть даже очевидная фантазия) случилось именно на этой реке или у подножья той горы. Таким образом, от факта существования здесь когда-то «ермачков» приходим к факту мифотворчества в среде уральских жителей прошедших времен, явлению, необходимому для существования национального и регионального сознания. Историческая память о Ермаке, Демидовых, Строгановых либо о каких-нибудь событиях минувшего способствует осознанию национального единства и в то же время подчеркивает особенность уральцев в среде русского народа.

Вместе с тем предания о Ермаке указывают и на вполне реальные эпизоды, проверенные исследователями и изложенные в летописях. Из рассказов местных жителей можно почерпнуть немало информации о пребывании Ермака в нашем регионе. В книге Немировича-Данченко собраны сведения о прохождении его отрядом Камы, Чусовой, Серебрянки, остался в памяти народа и эпизод, когда по ошибке Ермак оказался на Сылве и вынужден был зимовать на ней.

Кроме Ермака нередко упоминаются другие имена, хорошо известные и за пределами Урала. Немирович-Данченко много пишет о Строгановых и Демидовых, не забывая также о Лазаревых, Всеволожских, Голицыных и др. В тексте можно встретить имена таких исторических личностей, как Степан Разин, Иван Грозный, Петр Великий. Добрым словом поминает автор книги горного инженера и краеведа Н. Н. Новокрещенных как лучшего горнозаводского деятеля. О широте натуры последнего говорит тот факт, что впоследствии человек этот, «отличавшийся многостороннею деятельностью личности»⁸, занялся археологией. Немирович-Данченко представляет его не только как знатока горного дела, но и как человека, болеющего всей душой за свою страну и за Урал в частности. «В Петербурге всему верят... В Петербурге не только не знают России, но и не заботятся узнать ее», – говорит Новокрещенных⁹.

Однако большую печаль вызывает констатация автором того факта, что Новокрещенных, пожалуй, единственный в своем роде на Урале.

Не ставя перед собой цели научно исследовать Средний Урал, Немирович-Данченко тем не менее собрал немало любопытных сведений из истории края и народной жизни. А посему не следует слишком строго судить эту книгу за отсутствие в ней материалов, например, по Пугачевскому бунту. Хотя Немирович посетил Кунгур, следовал через Осу, которые за сто лет до его путешествия подверглись нападению самозванца.

«Кама и Урал», несомненно, есть ценнейший исторический источник, позволяющий судить о духовной и материальной культуре народов нашего края. Вряд ли диалоги автора с попутчиками, среди которых ямщики, лоцманы, старoverы и даже местные миллионеры (внешним видом, впрочем, ничуть не отличающиеся от нищих), Немирович-Данченко записал непосредственно в процессе разговора. Однако смысл услышанного и образы «сказителей» передаются очень точно и правдиво.

В книге собрано множество выраженных народом преданий со свойственными им вкраплениями просторечия, пословицами и поговорками. Сочинение изобилует примерами народной мудрости. В частности, лоцман, ведший корабль, глядя на бурлаков и сочувствуя им, говорит: «На свете нужи много... не *избыть* ея!» О вранье на Урале высказывались следующим образом: «Душа кривая все примет», «Бредешь бреднем бредин – а у нас язык щелкает!»¹⁰ Читатель находит немало поговорок на разные темы: «Поехал в цветном, а приехал ни в чем», «Пошел на собаке сено косить», «В баню идти – пару не бояться», «Любишь парко – люби и жарко»¹¹. Есть в тексте и трудно объяснимые с точки зрения здравого смысла поверия: «Девка утонет – хлеб дешевле будет»¹²; запрет на убийство лебедей (с этим связана целая легенда о Демидове)¹³.

Собранный путешественником материал достаточно любопытно характеризует хозяйственно-географические воззрения народа. Однако сначала обратим внимание на структуру произведения Немировича-Данченко. Называясь «Кама и Урал», оно естественным образом подразделяется на две части: «Каму» и «Урал». Такое строение далеко не случайно. Также не случайно и упор здесь делается на отраженные в народном сознании именно хозяйственные особенности края.

Действительно, хозяйственная деятельность на Каме несколько отличалась от промыслов и занятий населения Зауралья, что объясняется, безусловно, наличием на западном склоне Урала крупной водной артерии. Даже Средний Урал неоднороден; автором он делится на Каму (Прикамье, современная Пермская область) и Урал (Зауралье, нынешняя Свердловская область). Но, несмотря на некоторые, впрочем, незначительные расхождения в хозяйственной сфере, жители и Камы, и Зауралья осознавали себя уральцами – неким единым сообществом, выделяющимся в составе русского народа. В книге приводится пример такого сознания. Удивляясь всестороннему развитию местного священника, который одновременно и поп, и охотник, и механик, и капельмейстер, Немирович-Данченко восклицает:

« – Да вы совсем американец!

– Зачем американец? – Помилуйте! Наши уральцы почище американцев могут. Уралец на все руки. Возьми ты его за хвост, помахай-

помахай, да и швырни, – он непременно на лапы встанет. Такая уж порода!»¹⁴

Несомненно, люди Урала всегда гордились тем, что они уральцы, что они – «особая порода». Не случайно так часто в нашем регионе звучат слова А. Т. Твардовского: «Урал! Опорный край державы!» Вообще, национальная гордость – свойство души русского народа, с чем не спорили даже большевики, стремящиеся нивелировать национальные особенности народов. Не меньше гордились русские своей родной местностью; в России всегда был важен вопрос «Откуда ты?» Отсюда и сопутствующие этому прозвища. Приведем лишь некоторые из них, собранные Г.Е. Верещагиным в Вятской губернии: вятские – слепороды, орловские – ершееды, сапульские – мосольники, мослогоды, глазовские – пирожики¹⁵. Подобно же выделялись местности и на соседней с Вяткой Каме. Село Юнга на устье Ветлуги именовали второй Москвой¹⁶, Лаишев – «железным городом»¹⁷, о реке Чусовой местные жители высказывались следующим образом: «Кто на Чусовой не бывал, тот Бога не видал» или «На Чусовой простишь с родней»¹⁸. Тем не менее никогда в сознании уральцев не было противопоставления Предуралья – Зауралья.

Без сомнения, Вас. И. Немирович-Данченко поделил край на два региона условно, лишь в соответствии с некоторыми незначительными особенностями экономической жизни. Однако все его произведение, напротив, указывает на духовное единство жителей обоих склонов Уральского хребта, основанное не столько на привязанности горной местности или речным магистралям, сколько на осмыслении особой роли Урала в хозяйственной жизни России. Даже многие населенные пункты долгое время носили названия заводов: Мотовилихинский, Александровский, Юго-Кнауфский и проч.

Продолжая разговор об особенностях русского народа на Урале, приведем еще одну выдержку из книги. Путешественник описывает утреннюю молитву татар, следующих на том же пароходе, что и он. Никто из русских не мешал им, даже близко не приближался. И все это дается на фоне отношения русских к религиозным обрядам мусульман в других регионах (не будем забывать, что Немирович-Данченко странствовал по многим краям необъятной России, а также за ее пределами). Иная картина наблюдалась, скажем, на Черном море, «где целая ватага пассажиров и служащих бесцеремонно острословила над молящимися горцами». Совсем иное отношение к чужим верованиям на Урале. «Население здесь, – замечает автор, – чрезвычайно терпимо. Религия не вызывает розни. Народ гораздо развитее, чем где-либо в ином месте. Вообще, так по всему горнозаводскому Уралу и по Каме»¹⁹.

Подчеркнем высказывание автора о том, что народ на Урале «гораздо развитее». Причем эта

«развитость» выражается, как следует из текста, в терпимости. Таким образом, хотя и вскользь, Василий Иванович касается замечательного качества русской души – терпимости, терпимости к чужой культуре, религии, традициям. Пожалуй, нельзя не согласиться с тем, что данное свойство относится к числу лучших у любого народа – не только русских. И, что особенно приятно, автор приведенных строк указывает на большее развитие этого качества (терпимости) именно у населения Уральского региона.

В статье уже упоминалось, как бурлаки и разного рода судовщики величали между собой село Юнга второй Москвой. Подобные сравнение не были редки на Урале. Даже существовала поговорка: «Усолье-град – Петербургу брат»²⁰. Вообще тема России, Москвы, отношения к ним, звучала повсюду в наших местах, как указывает писатель, что, несомненно, свидетельствовало об осознании уральцами себя как части большого русского континента. Так, по поводу строящегося в Перми в 70-е гг. театра пермяки восклицали: «Хоть в столицу!»²¹. Другим примером общерусского сознания, любви к Родине, тревоги за ее настоящее и будущее может служить реплика одного простолудина: «Эти мироеды всю нашу Россию скоро в пустырь да болото обернут... Они Бога продадут ради прибитка»²². Так помимо «нашего уральского» в сознании народа Камы и Зауралья укоренилось и «наше русское», «наша Россия». Нет поводов сомневаться в том, что местное население в первую очередь самоопределялось как «русские», а уж потом как «уральцы». Региональные особенности лишь подчеркивали их русское происхождение.

Обратим внимание на несколько довольно любопытных фактов, приведенных в произведении Немировича-Данченко, – и этим мы еще раз коснемся незримого разделения между Камой и Уралом. За Уральским хребтом можно было услышать как «у нас в России», так и «у вас в России»; на Каме чаще употребляли первое выражение. Зачастую выходило так, что в сознании уральцев западный склон Урала был еще Россией, восточный – уже собственно Уралом, или даже Сибирью. Ямщик, а де-факто гид путешественника, сетуя на «мытарства» дороги, поражает репликой: «Одно слово, Лазаревская Сибирь пошла». «Ну, Сибирь-то еще далеко», – возразил ему Немирович. На что собеседник, и глазом не моргнув, отвечал: «Нет, это наша особая Сибирь!»²³. «Сибирь», очевидно, в данном случае выступает в роли синонима понятия «дикая тайга», «удаленный край», поэтому места эти считает тот же ямщик «самыми молитвенными». Тем не менее региональное сознание в высшей степени скеплично. Удаленность края – чуть ли не единственное его достоинство: «Чего хорошего? Дикая Азия – больше ничего»²⁴. Так неожиданно возникает еще большее противопоставление: Предуралье (как Европа) – Зауралье

(как Азия). В сущности, так оно и есть, но географически. В культурном же и этническом отношении все гораздо сложнее. Русский человек на Урале осознает себя одновременно и туземцем (уральцем), и пришлым элементом на земле финно-угров и тюрок, что отразилось в духовной и материальной культуре населения. Еще жива память о заселении этого края, на что, правда, косвенно, указывает сочетание «Дикая Азия». Нерусские аборигены так свою землю не называли.

Все это лишний раз подчеркивает особую роль Урала во всех сферах жизни России, равно как и особое положение русских в этом регионе. Урал выступает в качестве связующего звена между Европейской и Азиатской Россией, а не как граница, разделяющая их. Урал – это нечто целостное, играющее роль интегратора страны, о чем так много говорили евразийцы²⁵, считая наш край сердцем России²⁶. Отсюда, должно быть, своеобразная двоякость сознания уральца: с одной стороны, он – русский и родину свою именует Россией, с другой – уралец, даже «азиат». Повторим, что наши места, судя по книге Немировича-Данченко, русские аборигены осознавали то как часть России и – больше того – как собственно Россию, то как совершенно отдельный регион. Именно на Урале европейская Россия незаметно «перетекает» в «дикую Азию», и именно Урал соединяет в себе черты как первой, так и второй. И это, без сомнения, не могло не отразиться на менталитете жителей края. Так, народ Прикамья отчасти благодаря территориально-административному делению страны, где в одну губернию были сведены Предуралье и Зауралье, отчасти в силу хозяйственно-экономической ориентации обоих склонов горного хребта (горнозаводское дело) сознавал себя уральцами. Однако нередко можно было услышать в речи людей с берегов Камы, что они выделяют Урал в отдельный регион²⁷.

Еще одним примером такой двоякости сознания служит предание, рассказанное В.И. Немировичу-Данченко спутником странником-старовером. Не касаясь содержания (легенда описывает противостояние Ермака и «царских приставов» на реке Ик), отметим, что старик называет наш регион Москвой, как, впрочем, и всю Россию. Кстати, рассказчика никоим образом нельзя обвинить в безграмотности: он свободно владеет географией Прикамья, знает историю, цитирует Библию. «По всей Москве», – говорит он, имея в виду Русь, в том числе и Урал. Таким образом, наш край определялся его обитателями как неотъемлемая часть России, «Святой Руси»²⁸.

Деление края на Предуралье и Зауралье помимо географической основы подсказано и самой историей. На Каме русские появились века на три раньше, чем на восточном склоне Уральского хребта. Поэтому Прикамье обладает более глубокими историческими корнями. К тому же первоначально хозяйственная специфика края заключалась

преимущественно в добыче соли, и лишь с XVIII в. Урал в горнозаводском деле. Последствия этого не могли не сказаться на менталитете местных жителей. Но в народной памяти еще сохранилось на момент путешествия автора книги сознание особой роли Камы не только как транзитного пути, но и как главного поставщика соли на российский рынок. Дошедшее до наших дней выражение «пермяк – соленые уши» Василий Иванович дополняет красноречивым эпитетом соли – «соль-пермячка»²⁹. Саму же Каму русские люди по примеру Волги уважительно величали «кормилицей».

К сказанному следует добавить и некоторое географическое несоответствие, впрочем, не столь существенное. Средний Урал в современном смысле слова – это две области: Пермская и Свердловская. География путешествия Немировича-Данченко немного шире. Он начинает свои описания еще с Волги, правда, в качестве прелюдии к повествованию о Каме. Но и сама Кама далеко выходит за пределы Пермской области. В низовьях она пересекает Татарстан, Башкирию, Удмуртию, а это уже не Урал. Однако материал, собранный автором по нижнему течению Камы, всецело соответствует общей картине, характерной для Уральского края. Отчасти это за счет того, что путешественник, по всей видимости, на берег не сходит и общается только с русскими (по какой причине, не до конца ясно, но точно, что не из-за националистического высокомерия; думается, объясняется это сложностями коммуникации: межличностные отношения и проблемы языкового барьера). Не лишним будет заметить, что «информаторов» у Немировича не так уж много. В конце концов, он не ставил себе цель опросить как можно большее число встреченных, – автор записывает свои впечатления. Отчасти такая ситуация возникает благодаря тому, что его собеседники в своей массе из Пермской губернии и, следовательно, отражают единое для Урала мировоззрение. Ко всему прочему, нельзя забывать, что русские в низовьях Камы ничем не отличаются от русских Пермского региона. Вообще русские не были бы единым народом, не будь у них общих черт, в первую очередь духовной культуры и национального сознания, той самой этничности, по которой сразу выделяется русский из числа других. Русский человек на Урале и в каком-либо ином месте остается самим собой. Поморы, казаки, уральцы, сибиряки – все это члены большой русской семьи с некой двоякостью сознания (региональное и общенациональное). Кстати, поморы не считали себя русскими, но землю свою именовали Русью³⁰. «Русские» в данном случае – не этноним, а название субэтноса. Тем не менее именно поморы сохранили первозданную «русскость», и противопоставление себя русским, безусловно, мыслилось только внутри этноса. Местные особенности важны только в случае причисления себя к общности более высокого разряда. Неспроста в уральцах

Немирович-Данченко легко «распознает» русское, в их менталитете живет представление о «Руси» не как о географической единице, но как о духовном сообществе. Путешественник, беседуя с представителями русского народа, стоящими на разных позициях относительно рубки леса по Каме, обращает внимание вовсе не на экологическую сторону вопроса. Вас. И. Немирович-Данченко чувствует феномен противоречивости русской души, перед ним как бы являются две «Руси» – две крайности сознания народа. «В один день два таких типа! Равнинная Русь в лице истребителя лесов и Русь лесная, былинная, Русь заугольников в этом дряхлом старике»³¹. Невольно вспоминаются бердяевские антиномии, на которые, по мнению мыслителя, легко подразделяется русская сущность: государственность вкупе с анархией, свобода – с сервильизмом, антибуржуазность – с буржуазностью...³² Последнее не случайно заметил Немирович-Данченко: «толстое брюхо, сила, мироедство, скопидомство», – «ветхость, слабость»³³. Но и то и другое – русское. Особую символическую роль в этом противоречии играла река – Кама – как нечто объединяющее, примиряющее, к тому же оппонентов роднит то, что оба они с ее берегов. Точно так же вода (река, море) есть символическое воплощение «текучей русской души»; это объединяющее начало, способное вместить в себя «лес» и «степь»³⁴.

Не менее богатый материал содержится в рассматриваемой книге по социально-экономической жизни на Урале. Большое внимание уделяет автор горнозаводскому производству, промыслам и материальному положению населения. Путешественник отдает дань уважения Каме как реке, чрезвычайно важной для экономики края. Сами же местные жители называли ее «кормилицей», «матушкой»: именно Кама была торговым и транспортным путем, по которому сплавляли барки и ходили пароходы. От реки действительно «кормилось» немалое количество народа. До открытия железной дороги Кама выполняла функции важнейшей коммуникации страны. Кроме всего прочего, Кама играла и некую сакральную роль, была символом души народа, как и другие русские реки: Волга, Дон, Днепр, Вятка и др. Сознание накрепко привязывало русского человека к рекам. «На реке он оживал и жил с ней душа в душу. Он любит свою реку, никакой другой стихии своей страны не говорил в песне таких ласковых слов – и было за что. При переселениях река указывала ему путь, при поселении она его неизменная соседка: он жался к ней, на ее непоемном берегу ставил свое жилье, село или деревню. Река является даже своего рода питательницей чувства порядка и общественного духа в народе»³⁵. Неспроста такое благоговение в народе перед Камой; приближаясь к ней по Волге, один из героев описания, затаив дыхание, произносит: «Близка наша Кама-матушка, кормилица богоданная»³⁶.

Парадоксально, но в жизни прикамского населения «кормилица» стоит в одном ряду с «нужей». Через всю книгу проходит боль писателя за этот регион, и почти на каждой странице встречаем многочисленные примеры ужасающей нищеты, страдания народа, стремления бежать от родного дома как можно дальше, ибо здесь, кроме той самой «нужи», ничего больше нет. «Русский сплошь подальше норовит умкнуться от сладкого житья, сослепа в лес удариться, либо с верховья Камы в Астраханскую Украину кинется. Что ему мило у себя? Голодовка да нужда одна»³⁷. Конечно, специфика национального русского характера предполагает частые перемещения, тем не менее не «сладкое житье» гнало людей на поиски лучшей жизни. Автор произведения рисует колоритные образы представителей народа от разных социальных слоев. Наибольший интерес у него вызывают, по видимому, простолюдины. Как известно, немалое количество жителей Прикамья промышленно бурлачеством или зарабатывало себе на жизнь, став судовщиками. О материальном положении последних народ высказывался следующим образом: «Да голее этих судовщиков, поди, и татарского байгуша (нищего) не найдешь»³⁸.

Не в пример нынешним временам, судоходство по Каме и другим нашим рекам было весьма осложнено. По крайней мере они разительно отличались от Волги своим «коварством». О лоции по Каме бывалые люди говаривали: «... постоянно у Господа Бога про себя откровения просим, чтобы Он, Всемогущий, ангела своего послал – народ да хозяйскую посудину эту в целостности соблюсти»³⁹. Об этом «коварстве» в народе даже легенды складывали, хотя и облаченные в исторические «одежды». Для иллюстрации приведем выдержку из сказания о Чортовом городище. На этом месте жили когда-то разбойные люди, и того, кто им дань платил, проводили по быстрине, а того, кто не платил – грабили и топили барки⁴⁰. Из-за сложности навигации и жизнь лоцманов «самая скучная, самая неприглядная», им даже «водки выпить нельзя»⁴¹. Зато у бурлаков, быт которых, наверное, еще «слаще», есть время отвести душу за все свои лишения – после расчета спустить все заработанное во второй Москве (село Юнга) или, скажем, в Перми. (Кстати, Д. Н. Мамин-Сибиряк в одном из своих произведений пишет о том, что в конце XIX в. летом в Перми скапливалось до 10 тысяч бурлаков, заполнявших по вечерам все питейные заведения города; все это, учитывая скромное в количественном отношении население губернского центра). Это в какой-то степени объясняет название в народе Юнги Москвой: здесь бурлаки отдыхали, набирались сил, получали расчет, здесь был «пункт сбора», – вот чем являлась столица для простолюдинов.

Подобными же легендами о коварстве реки изобилует все Прикамье, и многие из них связаны, естественным образом, с именем Ермака. Около

деревни Подмонастырье, где излучина Камы, согласно преданию на горе когда-то стояла обитель. В самой излучине сидел «чорт», которому дана была власть разбивать барки, не приставшие к монастырю. И только Ермак этого «чотра» «ограничил»⁴². Таким образом, представление о легендарном герое в народном сознании претерпевает довольно большие изменения: из исторической личности он превратился в мифического бога-героя.

Однако кроме воды в русском ощущении пространства существуют еще как минимум две стихии – лес и степь. Разумеется, пояс степей на Урале протянулся только на юге; поэтому «степь» необходимо воспринимать как широкое понятие. В данном случае термин этот будет включать понятие «поле», т. е. культуры (тем более, что «культура» в древнем значении есть именно обработка поля), цивилизации, урбанизма, вообще активного отношения к природе, предпринимательства, капитализма. Парадокс, тем не менее, в том, что степь – это и дикое поле, необузданность, анархия. Подобное противоречие (а точнее было бы сказать, противопоставление) ничуть не удивительно для России.

«Лес» – нечто сокрытое, даже потустороннее, «лес» – синоним небытия, вечного покоя, «но не холодного сна могилы». В то же время это нечто отпугивающее, неясное, покрытое завесой тайны. «Этим можно объяснить недружелюбное или небрежное отношение русского человека к лесу: он никогда не любил своего леса. Безотчетная робость овладевала им, когда он вступал под его сумрачную сень. Сонная, «дремучая» тишина леса пугала его; в глухом беззвучном шуме его вековых вершин чуялось что-то зловещее; ежеминутное ожидание неожиданной, непредвиденной опасности напрягало нервы, будоражило воображение»⁴³. Но, как и в случае с понятием «степь», «лес» трактуется как старая, исконная, былинная стихия, патриархальная, некапиталистическая, деревенская.

Действительно, русское сознание соткано из всевозможных противоречий; они есть и у других народов, но только у русских, как справедливо замечает Н. А. Бердяев, крайности с легкостью оборачиваются друг другом⁴⁴. Антиномии души этноса отмечены и в очерках и впечатлениях В. И. Немировича-Данченко. Лес воспринимался населением не только как источник доходов, но и как нечто сокровенное, как таинство; лес, безусловно, гораздо большее, чем география промыслов, – это «география души». Так, один из собеседников автора говорит: «... что лес, что храм – все едино... Чаща лесная злодеев праведниками делала... Святые отцы по лесу спасались, подвижники и стратеги наши от никонианских гонителей... уходили... Селами да поселками мы жили тут, и не было у нас ни татей, ни убивцев! Без закона жили, а по правде! Властей у нас не было, острогов да темниц мы не знали, не ведали, какое-такое злодей-

ство на свете водится»⁴⁵. В приведенном высказывании содержится информация о мировоззрении если не всего русского народа, то довольно значимой его части – старообрядчества. Во-первых, лес и храм оказываются понятиями весьма близкими. Во-вторых, лесное пространство представляет собой иной мир, где совершается спасение (то, чего жаждет русская душа), где замаливаются грехи и где, наконец, течет праведная жизнь. В-третьих, это праведное бытие мыслится без участия власти, которая здесь стоит в одном ряду с острогами и тюрьмами. В-четвертых, закон и правда для русского вещи разные, иногда даже несовместимые, противопоставленные друг другу.

Но была и другая точка зрения, служащая необходимым условием существования только что изложенной. Лесоруб, ставший миллионером, с которым случай сводит путешественника, излагает свою философию, очевидно, вовсе не чуждую русскому менталитету: «... кто в лесу живет? Зверь дикий, человеку непотребный, злое племя живет. Дьявол в лесу крещеную душу смущает пуще, чем в поле». Затем добавляет: «Слышал присловье наше: лес темный – бес сильный». Заметим, что и для человека, живущего лесным промыслом, лес – не просто сырье, но – одушевленная сущность, вместилище не Бога, а дьявола. Примечательно, что один и тот же персонаж – лесоруб – насколько предельно материалистично взирает на мир, настолько же и мистифицирует реальность, причем одна крайность у него без труда замещается другой. Подобное мироощущение, пожалуй, свойственно вообще русской душе. Например, лес у нашего героя выступает то в качестве элементарного материала жизнедеятельности, то как сущее и потустороннее, как «обитель» «злого племени». «Лес на потребу человеку дан. Храм божий из него воздвигнуть, либо жилье какое, а то на согреву человеческой немощи!.. Древле, вон, сказывали, по лесам идолов ставили, что лес, что капище – все одно значит...»⁴⁶.

Антиномия «лес – степь» (поле) оборачивается близким по сущности противопоставлением город – деревня. Последнее, несомненно, указывает на начавшийся в пореформенной России и все набирающий силу процесс модернизации, когда обострилась грань между городом и деревней. Такое деление мира на две части сопровождалось тем, что одна из них нарекалась «потусторонней», несправедливой, иногда даже враждебной. Между прочим, данная ситуация характерна и для современной России и в комментариях не нуждается. С одной стороны, люди говаривали нередко: «Бог да город, черт да деревня», с другой – замечали: «... душа слабая, совратилась; да ведь в городе она совратилась, где бес силен...»⁴⁷.

Не обходит вниманием путешественник и другие уральские промыслы. В отдаленных лесных местах крестьяне добывают золото. И среди русского населения подобное явление, как отмеча-

ет автор, весьма распространено⁴⁸. Возможно, кто-то и богател от такого рода занятий, как, например, золотопромышленник Гуляев в «Приваловских миллионах» Мамина-Сибиряка, однако в большинстве случаев этого не происходило. Также, хотя и довольно поверхностно, упоминается в произведении «Кама и Урал» торговая жизнь региона. Несколько раз в тексте встречаются наименования ярмарок, от известных на всю страну Ирбитской и Макарьевской до некрупных, специализирующихся на каком-либо одном виде товаров (например, на торговле железом в городе Лаишеве).

Как видно, хозяйственная жизнь нашего края немало интересовала В. И. Немировича-Данченко. И все же он отдает предпочтение описанию души русского народа, его морали, норм поведения, сознания и миропонимания. Вопиющее социальное неравенство, о чем также можно прочитать в этом произведении, весьма болезненно переживалось в народе, порождало пренебрежительное отношение к богатству как «нечистому», «дьявольскому». В русской среде, наверное, и по сей день никто не верит в то, что большие деньги можно нажить честным путем: если человек богат, то это не благодаря его способностям и труду. Сознание народа знает только два способа разбогатеть: случай (везение, что отображено в русских сказках) и воровство. Для иллюстрации приведем красноречивый пример из книги. Миллионер, сколотивший свое состояние на рубке леса, в глазах соотечественников выглядит либо счастливым человеком, которому удалось найти клад, либо нечестным человеком, – кем угодно, но не праведным тружеником. О нем даже говорили, будто он разжился тем, что «раскольника-купца подстерег да и убил»⁴⁹. Понятно, что в сознании русских богатство, как и закон, несовместимо с правдой. Отсюда, очевидно, возникает страстное желание восстановить справедливость, очистить «неправедное»; так созревает база для появления лозунга «грабь награбленное». На Урале, действительно, было немало «новых русских» образцов второй половины XIX в. Немирович-Данченко устами своих собеседников сообщает любопытные эпизоды так называемого первоначального накопления. Так, один из героев книги говорит об этом следующим образом: «Наша интеллигенция раз, два, да и обчелся. А капиталисты вот каковы: один обобрал Всеволожских, другой был их же крепостным и обокрал их, третий поднялся извозом, жил вместе с козлами и поросятами, запарил купца в бане, да на том и вырос. Четвертый три раза богател картами и три раза же опять проигрывался; наконец нажился арестантскими полушубками, которые в первый же год распозлились. К. явился к нам в Екатеринбург ссыльным полячком, штанов не было, теперь миллионер. Х. стал крезом, благодаря тайной пропаганде золота. П-ая опаивает всю Сибирь водкой. У Д-ва только в одной Перми 18 кабаков»⁵⁰. В пред-

ставлениях народа стяжение само по себе неправомерное, и за это «предусмотрено» наказание на том свете.

Подавляющее большинство народа при это находится в очень бедственном положении. Примеров этому у Немировича множество. Некоторых люди даже сравнивают, вспомнив писание, с «глаголивым зверем», т.е. человеком только по внешности. Рабочих уральских заводов (впрочем, не всех) местные крестьяне сочувственно нарекли неграми. «Почему?» – спрашивает путешественник. «Забиты. Озверели», – слышит ответ⁵¹. В другом месте помещен любопытный разговор исследователя с девочкой в городе Дедюхине на соляных промыслах братьев Любимовых. Безусловно, ужасающе воспринимается тот факт, что в свои 12 лет она не имела понятия о годах.

« - В церковь часто ходишь?
- С тятькой, когда праздник.... Не работаю.
- Что же, ты молишься?
- Смотрю...
- Значит, не молишься?
- Не умею... Креститься умею... А то смотрю...»

Далее Немирович рисует ее портрет: «Узкий лоб... тупое совсем лицо. Глаза тоже совсем бесознательные. У молодых котят такие»⁵².

Страшная бедность, отношение к деньгам как к «нечистому», даже потустороннему (поскольку у нормального человека достаток большим быть не может), сопровождается тайным, «греховным» желанием этого самого богатства и высокого положения. Наглядным примером того, как большинством людей воспринимался выход «в люди», служит приведенный автором рассказ о понятиях на заводах. Одному начальнику приглянулась жена рабочего. Последнему, безусловно, это не понравилось. Все кончилось тем, что рабочего заперли до смерти, а женщина, не пережив горя и позора, свела счеты с жизнью. Очень интересна оценка данной ситуации в среде простого народа. По этому поводу высказывались: «Дурак. В люди бы вышел. Сам своего счастья не хотел. И жена-то глупая. Кабы умная была, сама бы к начальнику пошла»⁵³.

Таким образом, отношение к богатству, достатку и благосостоянию у русского народа было весьма неоднозначно, а точнее – противоречиво. С одной стороны, всякое материальное благополучие непременно связывалось с «неправильным стяжением», с другой – у подавляющего большинства заметно стремление к этому самому богатству, что очень даже актуально в наши дни. Отчасти, вероятно, это обусловлено извечной устремленностью русской души к царству справедливости, в котором «кто был ничем, тот станет всем».

Кроме того, закон, богатство и власть – понятия, несовместимые с представлением народа о правде. Понятие Правды есть мечта о некоей, вероятно, даже неземной справедливости и отречение

от материальных благ и государства. В то же время ничто, пожалуй, так не опьяняет русского человека, как власть над соотечественниками и осознание себя лучше их, что напрямую зависит от размеров кошелька.

Отношения народа со структурами власти также достаточно непросты, хотя отчетливо прослеживается избитое представление о хорошем царе и плохих чиновниках. Но это, конечно, встречается далеко не всегда. Ведь именно на Урале были уничтожены во время гражданской войны многие представители царствующей династии; в то же время о некоторых чиновниках и знатных людях в народной памяти остались добрые воспоминания.

В сочинении Немировича-Данченко есть указания на разное восприятие народом уровней власти: центральной и местной. Отдельно следует назвать власть многочисленных купцов, предпринимателей и промышленников; поэтому наряду с делением власти на центральную и местную необходимо выделять государственную и негосударственную. Последняя представлена, к примеру, такими известными по всей России фамилиями, как Строгановы, Демидовы, Лазаревы и др.

В своей книге автором беспощадно критикуется региональная власть, в частности, местное делопроизводство, как государственное, так и частное, отличающееся массой пороков, повсюду сопровождающих русскую действительность: взяточничеством, невежеством, подхалимством, откровенной ничем не оправданной жестокостью. Не зря, очевидно, в народе мелких чиновников и управляющих за глаза называли «песьими мухами»⁵⁴. Соответственно, «псами», надо полагать, выступали деятели более высокого ранга. Примерам произвола «песих мух» в произведении несть числа. Все это очень напоминает работы других писателей, очевидцев уральской жизни. Так, Немирович не без горечи иронизирует по поводу отношения властей с народом: «Равенство не перед законом, а перед розгами было всеобщее...»⁵⁵.

Так уж сложилось, что в сознании русского народа чиновничество и местные господа, в массе своей воспринимались как враги. Урал в этом смысле не был исключением. «С работы-то другая молитва бывает. “Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его” – вот она какая. Врази-то кто? Надсмотрщики, начальство, которое жестокое...», – передает автор слова одного из собеседников⁵⁶. К сказанному надо добавить, что образ Ермака – народного героя – вмещает в себя борца с представителями царской власти, хотя на деле этого не было. Максимум в чем можно обвинить его, так это в грабеже государственных судов на Волге, что было к тому же задолго до его похода в Сибирь. Возможно, поэтому во многих преданиях Ермак противостоит царским «приставам»⁵⁷. Причем – довольно интересно – подобные легенды в других областях России непременно люди связы-

вали с именем, например, Степана Разина. Как уже было отмечено, вовсе не сама историческая личность интересовала народ, – ее образ, подчас далекий от реального, вмещал в себя все чаяния и тайные мысли русской души. В данном случае, это ненависть к разного рода чиновникам.

Отсюда и любопытное сравнение чиновника с медведем. «Медведь помнет-помнет, да и пожалует, а у чиновника на мужика жалости нет... Он с тебя, как с зайца, пять шкур сдерет... Мы начальство это за редкость видим... За леса от него схоронились и живем»⁵⁸.

Приведем еще один случай знакомства писателя с местной действительностью. Действие происходит недалеко от Троицкого рудника. Лесоруба задрал медведь, и изувеченный человек лежит ничем не прикрытый. Немирович-Данченко удивляется, почему его не прикроют. В ответ слышит следующее: «... хлопот не оберешься. Вы нашу полицию не знаете. Теперь из Кизела налетят. Фельдшер потрошить станет, становой явится...»⁵⁹. Таким образом, как видно, с представителями власти никто дела иметь не хочет, от них даже далеко в лес бегут. От Демидова, например, после печально известного в народе эпизода с затоплением башни в Невьянске вместе с людьми, спасаясь, бежало немало народа⁶⁰. Вообще, народная память сохранила о Демидовых массу подобных историй.

Выше уже была высказана мысль о несовместимости в русском сознании таких понятий, как власть и правда. Показательно в этом смысле суждение одного из пассажиров парохода: «... тут грамотному, коли у него совести нет, одна дорога – в волостные писаря. По всему Прикамскому краю у нас волостным писарям не житье, а масленица. Только ж одно – нужно совсем правду спрятать. Волостному писарю и дорога за это...»⁶¹. Надо сказать, что народом власть никогда не воспринималась как источник закона, может быть, поэтому у нас во все времена было много каторжных, заключенных и вообще людей, пострадавших от государства. И отношение к ним – пусть даже к самым отпетым уголовникам – оставалось сочувственным. К тому же все это на фоне постоянного злоупотребления властей своим положением. Немирович-Данченко приводит случай, когда мировые судьи «вкупе и в любви» с товарищем прокурора избили публично одного лакея⁶². Пожалуй, простой народ вообще не доверял местному чиновничеству. Автор «Камы и Урала» повествует о том, как после освобождения крестьян многие еще 10 лет платили оброк, потому как «веры не было к людям, которые руководили всем этим»⁶³.

Очевидно, благодаря такому поведению местного чиновничества хотя бы отчасти в русском сознании сформировалось представление о существовании некой праведной, хорошей власти, проявиться которой мешают местные руководители. Безусловно, русская душа всегда нуждалась в

образе царя-праведника; иной раз этот образ с легкостью переносился на того или иного владыку, но, потеряв свою харизму, государь был обречен, как правило, на смерть. Подобная инфантильность русских объясняется вожделием справедливости, отсутствующей в повседневной жизни. Иногда представление о справедливости выливается даже в открытые бунты и восстания. Следует заметить, что все это является неотъемлемой чертой русского национального сознания. Нечто схожее наблюдаем и в книге Владимира Ивановича. Один простолюдин с горечью и в то же время с твердой уверенностью заявляет: «Чиновник нас продал, а купец сжевал... Эх, царь батюшка не знает. Коли бы знал он – не дал бы в обиду»⁶⁴. Ниже приведем слова автора, красноречиво свидетельствующие в пользу названной черты русской души: «Несмотря на все, в местном населении живет неистребимая вера в лучшее будущее. По одним толкованиям явится оно из Питера, в виде человека, у которого на груди вышита будет золотая птица и который разберет мужицкую беду и всех лиходедов и мироедов сошлет “на вольное поселение”. По другим, казна откроет особые заводы, собственно для них, обойденных работников... Выстроят им избы, дадут леса»⁶⁵.

Скажем несколько слов об исторической памяти русского народа на Урале, под действием которой формируется национальное сознание и самосознание. В данном случае всю историю целесообразно было бы разделить на местную, национальную и всемирную. Первую местные жители знали несравненно лучше, чем две последние. В региональной истории нами вычленено несколько основных сюжетных линий: история заселения края, предания о разбойниках, сказания о Ермаке и повествования о местных крупных промышленниках и землевладельцах.

Признаться, рассказы о заселении наших мест и более позднем размещении населения не очень богаты информацией. В книге находим сведения о том, как появилось население по рекам Прикамья, и кто где осел, каким ремеслом и по сей день занимается. По нижнему течению Камы русские крестьяне, устраивая свои дома, вынуждены были считаться с жившими там испокон веков татарами. В. И. Немирович-Данченко указывает по этому поводу следующее: «И странное дело, оказывается, что русские здесь были очень церемонными завоевателями и колонизаторами. Они заняли под свои поселки худшие места. На лучших сидят башкиры, на средних татары, на самых неспособных – русские построились»⁶⁶. Есть некоторые сведения о заселении Урала. Например, про Тагил говорят, что потомки тех людей представляют смесь из разных народов: малороссов, латышей, пермяков, белорусов, поляков; их первоначально нанимали на работу, а со временем обманом превращали в крепостных⁶⁷.

Некоторые предания отличаются нравственной окраской. Так, существовал рассказ о разбойниках, которыми руководила женщина по имени Фелисата. Она строго следила за тем, чтобы окрестные лихие люди простого мужика не грабили, – только воевод и купцов⁶⁸. Далее следует длинное повествование о ее «подвигах», в числе которых спор с Разиным. В таком мифическом и даже нереальном предании В.И.Немирович-Данченко, разумеется, усомнился, поинтересовавшись у рассказчика, было ли когда-нибудь такое, чтобы в Пермской губернии женщины разбоем промышляли. Вероятно, к легенде о Фелисате многие относились как к красивой сказке. В ответ путешественник услышал о том, что в демидовских владениях «ста полтора лет тому назад была Марья одна», у Всеволожских лет 70 назад тоже был подобный случай⁶⁹.

Скорее всего, миф о Фелисате появился и существовал как отголосок мечты русского народа уральского региона о торжестве справедливости. Несколько иной характер носили многочисленные предания о Ермаке. Он был народным героем, сродни былинным богатырям, оборонявшим Русь. Кроме того, Ермак выступает в сказаниях нашего края в качестве заступника, проводника христианства, хотя образ его и далек от миссионерского. К слову, неких «волшебных людей» на Косье Ермак одолел крестом, высеченным в камне⁷⁰.

Подобных легенд множество. Все они обязательно связывают Ермака с пещерами, отрогами гор, изгибами реки и т. д. Его именем названы на Урале камни, горы, ручьи, холмы, – даже в тех местах, где герой не проходил, двигаясь в Сибирь. Историческое сознание народа – это основа для национального самосознания. В данном случае, и об этом уже шла речь, образ Ермака значительно расширен: это не просто историческая личность, это национальный герой. И чем мифичней его персона, тем он более популярен. Вообще, история сама по себе не вызывает интереса у обывателя; но исторические факты обыватель преобразует и адаптирует к объяснению действительности. Поэтому Ермак для населения обоих склонов Уральского хребта был не столько прошлым, сколько настоящим. Его имя – необходимая часть национального сознания русских нашего края. Население Камы и Урала считает себя русским, в том числе и потому, что помнит и чтит имя Ермака, приписывая ему многочисленные подвиги.

Итак, народное сознание не заостряет внимания на достоверности исторических событий. Показательно, что в одном из преданий о Ермаке, приводимом писателем, цель похода в Сибирь объясняется поисками золота и серебра. Рассказчик ссылается на договоренность между Строгановым и Ермаком: если он найдет золото – отдаст Строганову, если серебро – оставит себе⁷¹. К сказанному добавим слова самого автора: «Что бы с кем ни случилось – случилось со Строгановыми.

Бил какой-нибудь «разбойный» человек мирные поселки пермяков – это Ермак»⁷².

Кроме названных имен чрезвычайно популярна на Урале была, разумеется, фамилия Демидов. О Демидовых, напротив, в народной памяти сохранилось немало реальных фактов или, по крайней мере, достаточно правдоподобных. С их именем, кажется, не связывали происхождение рельефа местности, как это было в случае с Ермаком или Строгановым. Демидовы не были так мифологизированы. Возможно, это оттого, что появились они в крае гораздо позднее первых двух. Автор указывает на неплохие знания истории в народе. В беседе с ямщиком о Никите Акинфиевиче Демидове путешественник слышит следующее:

« - Ноне что, ноне рай... вот при нем было плохо... К нему всякий народ шел – и беглые, и каторжные, которые и так, странствующие, – дедко – так его звали – всех примал... Народ, будем так говорить, самый дерзновенный. С ним тоже Демидов не шутил; чуть что – засекали, а кого на вечные времена в землю закапывали.

- Живьем?

- Погреба такие были. Посадят, заложат, да и забудут... Время жестокое было!..»

Далее рассказчик поведал историю о том, как Демидов «монету чеканил», как из-за этого из «Питера» для проверки приехал «енирал Потемков». Затем – известное повествование о Невьянской башне и больших «злодействах» в ней⁷³. Несмотря на некоторый народный вымысел о «Потемкове», собеседник Немировича знает, что этот генерал «турок всех повоевал» и что Потемкин и Никита Акинфиевич были современниками.

Таким образом, историческая память народа, с одной стороны, стремилась к созиданию мифов, с другой – отображала подлинную старину.

Следующая антиномия состоит из противопоставления: религиозность русского народа и его религиозное невежество. На это в свое время указывал Н. А. Бердяев. С одной стороны, Россия мыслится ее народом как страна богоносная, которой свойственна стихийная, женственная религиозность. Безусловно, православный человек не мог себя представить вне церковной жизни: всегда на Руси не было недостатка в богомольцах, паломниках и скитниках. Духовная жизнь русских людей отличалась многочисленными крестными ходами; священники, как правило, пользовались большим уважением, особенно в сельской местности. Но вместе с тем русский народ в своей духовной жизни всецело полагается на святых; сам же стремится не столько к святости, сколько к преклонению перед ней. Вообще, по замечанию Н. А. Бердяева, православные в массе своей ленивы в религиозном восхождении, и вера наша скорее равнинная (приземленная, обывательская), чем горная⁷⁴.

В произведении В. И. Немировича-Данченко, думается, можно выделить несколько смысловых

линий, касающихся духовной жизни русского населения Прикамья и Урала: 1) отношения со священнослужителями, 2) собственно вопросы веры, 3) мировоззрение старообрядцев и 4) представления о конце света, загробной жизни, искуплении грехов. Последнее выделено в отдельный пункт в связи с тем, что эсхатология, являясь составной частью вероучения, всегда была для русского человека особой тайной и в то же время столпом национального сознания.

Пожалуй, во все периоды русской истории после принятия христианства взаимоотношения церкви и паствы были неоднозначными. Зачастую прихожане с большим почтением, уважением и даже благоговением относились к своим священникам. Вместе с тем в русском фольклоре почти всегда попа изобличали в жадности, корысти, что впоследствии, кстати, перекочевало в литературу. Надо сказать, в произведении писателя вырисовывается вторая картина отношения к клиру. В устном народном творчестве нередко присутствует сюжет о разнообразном сговоре попа и черта (вспомнить хотя бы А.С.Пушкина, писавшего свою сказку, опираясь на фольклор). В книге Немировича, например, согласно легенде, черт сватал дочь у попа, что в высшей степени показательно. И поп этому не противится, но выдвинул лишь условием, что черт выстроит церковь⁷⁵. Здесь следует обратить внимание на признание в народном мировоззрении некоего родства или близости между священником и нечистой силой, что, как видно по приведенному выше эпизоду, переносится и на церковь. Неспроста бытовало на Урале множество крылатых выражений, адресованных храмам и служителям: «Близко церковь, да далеко от Бога», «В церкви поют, а в кабаке того веселее»⁷⁶, «Собака лает – владыко идет», «Не наше дело попов судить – на то лапастики есть (нечистая сила)», «На попа, как на черта, никак не уноровишь» и т.д.⁷⁷ Несколько мягче было отношение, очевидно, к черному духовенству и монастырям. Монахов и скитников, безусловно, многие считали если не святыми, то, по крайней мере, людьми праведными. Тем не менее монастырь зачастую воспринимался как коммерческое предприятие. Так, в описаниях путешественника встречается предание о том, как на Каме у излучины построен был монастырь. Поскольку в этом месте черт жил и топил барки, путники вынуждены были приставать к тому берегу, где возвышалась обитель. Тем монахи и жили. Однако на беду им Ермак одолел этого черта – послушники «разошлись кто куда»⁷⁸.

Что касается веры, то и здесь отчетливо проявляются крайности народного сознания. С одной стороны, паломничество высоко ценилось православными: путешествие по святым местам некоторые считали главным событием своей жизни. С другой, узнаем мы из книги, все это называли не иначе как «баловство», присущее только богатым

(например, купеческим женам). Больше ценился в плане посещения Русский Север, в особенности Соловки⁷⁹.

Подобным же образом дело обстоит с молитвами. Достаточно часто в литературе встречается замечание о том, что русские в большинстве вообще не знают молитв и не понимают службу. Выше уже приводился диалог автора с девочкой, которая также не умела молиться. Подчас слабое знание основ веры усугублялось многочисленными языческими пережитками и суеверием. Кстати, некоторые зарубежные историки открыто называют истинной русской религией фатализм⁸⁰. Это, несомненно, является значительным преувеличением. Однако никто не спорит с тем, что немало дохристианских представлений перекочевало в русское православие, органически вошло в него. «Кама и Урал» не отличается большим количеством ссылок на подмену христианства язычеством: незнание молитв, скорее, объясняется нечеловеческими условиями жизни, забитостью населения. В.И.Немирович-Данченко не стремился обличить церковь или прихожан в невежестве. Книга написана как трагедия Урала; автор передает боль за настоящее и будущее края. И все же некоторые намеки на примесь язычества в книге можно обнаружить. Например, есть упоминание о древнем для этого региона почитании оленя⁸¹. При несомненной справедливости слов о поверхностном отношении к религии русские люди на Урале в массе своей неплохо ориентировались в вопросах веры, что в особенности следует сказать о старообрядцах.

Приверженцы старой веры в книге, как и в жизни, несколько отличались от православных. Пример мировоззрения первых был приведен выше, когда речь шла об отношении населения к лесам. Роль леса в жизни старообрядцев не сводилась лишь к хозяйственной стороне: здесь они скрывались от властей, здесь было святое место («что лес, что храм – все едино»), здесь можно жить не по законам, а по правде. В тексте словно противопоставляются две ипостаси русского сознания: официальное православное (в данном случае как символ стяжания, греховности, алчности и невежества – своеобразный «железный миргород») и старообрядческое, кажущееся истинно русским, былинным, чистым, религиозным. Вообще религиозное образование староверов, по крайней мере, по книге, значительно выше, чем у никониан. В одном из эпизодов старик-старообрядец просит православного прочитать наизусть, пожалуй, самую известную молитву «Верую», чего тот, к своему стыду, сделать не в состоянии. Раскольники же, напротив, свободно цитируют Библию и, как кажется, весьма сведущи в вопросах веры. Особенно сильны они в темах, касающихся грехопадения современного мира и расплаты за неправедную жизнь: «... древле Моисей из скалы воду ис-

точил железом, а ныне, за безумие наше да слепоту, и чудеса перестали...»⁸².

Взгляды на время, согласно Немировичу-Данченко, у этих людей были приблизительно такими. Все, что было до Никона, они считали вполне приемлемым ходом истории; после и до наших дней Россия погрязла в грехе; однако в будущем правда все-таки восторжествует – старую веру гнать перестанут⁸³. Православные, в свою очередь, также самозабвенно верили в «светлое будущее», что в целом свойственно русским. Такое стремление за грань, в «царство Божие» очень сближало позиции старообрядцев и православных. Однако если у первых это носило характер восстановления справедливости относительно их веры, то у последних были грезы об устранении социального неравенства («Рабочему человеку где хорошо? В царстве небесном только»)⁸⁴.

Далеко не все вопросы удалось осветить в данной работе: как уже было отмечено, произведение Владимира Ивановича Немировича-Данченко настолько полно отражает жизнь Прикамья и Урала в 70-е гг. позапрошлого века, что материала для познания хватит на многих исследователей и не на одну книгу. Фактически автор затронул все сферы деятельности русского населения того времени. Мы же главным образом затронули тему сознания уральцев. Несмотря на некоторые, впрочем, вполне объяснимые, особенности людей нашего края, в их национальном сознании прослеживаются все основные русские черты. Именно поэтому «Кама и Урал» может быть источником изучения не только данного региона, но и всей России.

Примечания

¹ Немирович-Данченко В. И. Малое обо многом // Солнце России. 1914. №17. С.2.

² Кауфман А. Вас. Ив. Немирович-Данченко // Там же. С.3.

³ Немирович-Данченко В. И. Малое обо многом С.3.

⁴ Там же.

⁵ Верхованцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1994. С.239.

⁶ Виноградов Н. Б., Чагин Г. Н., Шкерин В. А. История Урала. Екатеринбург, 2001. С.252 – 253.

⁷ Исторический вестник. 1910. № 9-10. С.397-398.

⁸ Верхованцев В. С. Указ. раб. С.212.

⁹ Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал. СПб., 1904. С. 217.

¹⁰ Там же. С.176.

¹¹ Там же. С.186.

¹² Там же. С.213.

¹³ Там же. С.207.

¹⁴ Там же. С.50 – 51.

¹⁵ Верещагин Г. Е. Собр. соч.: В 6 т. Т.3: Очерки русских вятско-прикамского края. Ижевск, 2001. С.14.

¹⁶ Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал. С.17.

¹⁷ Там же. С.46.

¹⁸ Там же. С.87.

¹⁹ Там же. С.61.

²⁰ Христианская культура пермского Прикамья. Пермь, 1998. С.58.

²¹ Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал. С.116.

²² Там же. С.100.

²³ Там же. С.3.

²⁴ Там же. С.21.

²⁵ Савицкий П. Н. Континент Евразия. М., 1997. С.300.

²⁶ Груздева К. В. Урал в концепции евразийцев // Вторые Татищевские чтения. Екатеринбург, 1998. С.46.

²⁷ Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал. С.92.

²⁸ Там же. С.75 – 76.

²⁹ Там же. С.10.

³⁰ Теребихин Н. М. Лукоморье. Архангельск, 1999. С.63.

³¹ Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал. С.38.

³² Бердяев Н. А. Судьба России. М.; Харьков, 1998. С.174 – 285.

³³ Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал. С.38.

³⁴ Теребихин Н. М. Указ. раб. С.35.

³⁵ Ключевский В. О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 1. С.85.

³⁶ Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал. С.21.

³⁷ Там же. С.33.

³⁸ Там же. С.10.

³⁹ Там же. С.13.

⁴⁰ Там же. С.59.

⁴¹ Там же. С.13.

⁴² Там же. С.6 – 62.

⁴³ Ключевский В. О. Указ. раб. С.83 – 84.

⁴⁴ Бердяев Н. А. Указ. раб. С.285.

⁴⁵ Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал. С.37.

⁴⁶ Там же. С.20.

⁴⁷ Там же. С.39.

⁴⁸ Там же. С.27.

⁴⁹ Там же. С.18.

⁵⁰ Там же. С.106 – 107.

⁵¹ Там же. С.91 – 92.

⁵² Там же. С.161 – 162.

⁵³ Там же. С. 60 – 61.

⁵⁴ Там же. С.45.

⁵⁵ Там же. С.59.

⁵⁶ Там же. С.10.

⁵⁷ Там же. С.75.

⁵⁸ Там же. С.139.

⁵⁹ Там же. С.181.

⁶⁰ Там же. С.149.

⁶¹ Там же. С.105.

- ⁶² Там же. С.107.
⁶³ Там же. С.138.
⁶⁴ Там же. С.139 – 140.
⁶⁵ Там же. С.140.
⁶⁶ Там же. С.73 – 74.
⁶⁷ Там же. С.371.
⁶⁸ Там же. С.197 – 199.
⁶⁹ Там же. С.199.
⁷⁰ Там же. С.137 – 138.
⁷¹ Там же. С.172.
⁷² Там же. С.228.
⁷³ Там же. С.148.
⁷⁴ Бердяев Н. А. Указ. раб. С.280.
⁷⁵ Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал. С.59.
- ⁷⁶ Крылатые слова на Урале. Свердловск, 1960. С.70.
⁷⁷ Там же. С.71.
⁷⁸ Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал. С.61 – 62.
⁷⁹ Там же. С.43, 94.
⁸⁰ Пайнс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С.212.
⁸¹ Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал. С.166.
⁸² Там же. С.40.
⁸³ Там же. С.76.
⁸⁴ Там же. С.391.

«THE KAMA RIVER AND THE URALS» BY V.I. NEMIROVITCH-DANCHENKO AS THE SOURCE OF RUSSIAN POPULATION IN THE URALS OUTLOOK STUDY

A.V. Telenkov

Perm State University, 614990, Perm, Bukireva st., 15

The article in question considers «The Kama river and the Urals» by V.I. Nemirovitch-Danchenko, a writer and a traveler, as the historical source to study spiritual culture of the XIX-th century. Much emphasis is put on regional consciousness, as well as on history, religion and national relations.